

Она

Март Владислав

18+

Владислав Март

Она

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69878827

SelfPub; 2023

Аннотация

Та, что приходит после зимы. Она посылает знаки, которые невозможно не видеть. Она обязательно придёт. Рассказ продолжает серию "Снег", "Та осень" и "Жара".

Владислав Март

Она

Была такая старомодная вещь – радовались солнцу. Когда эта женщина, как же её звали. Печаль? Нет, что-то другое, но такое же по смыслу. Что-то библейское. Надежда? Когда радовались просто солнцу, а эта женщина – Надежда – её вовсе не было. Она была не нужна. Она в тот день не пришла. У неё отменили занятие или она уволилась. Она была не нужна, потому что так было, с солнцем и без неё. Было хорошо. Как-то так в старомодные времена было заведено. В стародавние времена была одна вещь, вещица. Можно было стоять на коленках, знаете, прямо на земле. И керамическая пыль от зубов, и стальная пыль от зубов не мешала, не колола кожу. Не было всех этих костей под тобой. Не обязательно солнце, в смысле рассвет. Можно было и на закат радоваться. Закат был старомодный, другой. Не наполовину пустой, когда часть диска всё время заслоняет то дом, то рекламный щит или облако. Как сейчас, как в памяти про вчера, как воспоминание о том, чего не было. Полный был закат. Даже при севшем солнце у тебя в глазах оставался полный жёлтый круг будто ты ещё видишь его сквозь горизонт. А оно укатилось, провалилось, утонуло в земле. Это как смотреть в будущее. Видение. Вернее, в прошлое, солнце же село, а ты всё видишь его как не ушедшее. Или ты видишь уже

следующее солнце? В общем были такие штуки старомодные, которые невозможно превзойти. Как превзойти свежий воздух и солнце? Сложно превзойти. Сегодняшняя машина, что провезла мимо меня дождь, разве может она дать свежий воздух. Туда-сюда возят дождь, сколько можно делать работу за природу? Укорачивать дни солнцу и людям, складывать снег, возить дождь. Оставим это природе. Мы же не умеем нормально укорачивать. У нас же короткое это до самого конца, под корень. Так не было раньше. Мы не были добрыми или злыми. Тогда любой каждый мог смотреть на солнце. Это было так давно, мне сложно объяснить. Я преждевременно начал. Следовало бы вспомнить, разобраться, а потом уже... Я жил тогда кажется, кто-то точно жил при этой старой моде. В музее нет. В фотоальбоме нет. Такая дофотоальбомная старомодная. До добра и зла. Дозлодобрая. Чем же мы её заменили? Просто забыли.

Я получал от неё письма, но не был уверен, что именно она их пишет. Не было ни отправителя, ни адресата. То есть я вовсе не уверен, что письма были для меня, удавалось мне их прочесть по случаю. Одно из первых посланий было таким. Я шёл по торопливым чужим делам про деньги и планы, знаете, такие дела, которые все избегают, а если человека застают за подобным, то он не отнекивается, а просто признаётся, что вырос. Взрослый он человек и есть у него такое дело. Про деньги и нервозность, про ожидание смс или, например, звонка по телефону. Я был в такой ситуации в тот

день. Срезал путь через газон и задавил там десятком шагов должно быть целую цивилизацию травы и муравьёв. Вывел себя на примагазинную парковку с высоким бордюром, серое пятно куда ветром сгоняет бумажные чеки и палочки от мороженого. Там, между двумя машинами, в глубокой почти скрытой тенью нише, сидел парень. По-другому он и не мог быть, он сидел в совсем простенькой колёсной каталке, в инвалидной коляске, сидел и мельком посмотрел на меня проходящего. Не мог же он стоять в ней или лежать. Для него сидеть было единственным положением. Он был там, не сидел. Так лучше. И он посмотрел на меня одновременно с тем, как я посмотрел на дыру между двумя машинами, недостаточную для третьей, но всё же широкую как коридор, в конце которого у бордюра был тот парень. Голова его ухватила пролетающий луч присаживающегося на горизонт солнца и от этого была она освещена и заметна лучше всего остального что у него было. Имел он ещё к голове тело с руками и одну неполную ногу без стопы, пакет подмышкой и свёрток на бёдрах. Лицо его не ожидало ни моего взгляда, ни куска света от солнца, втроём мы пересеклись зрительно нечаянно. Парень зажмурился одним глазом, вторым посмотрел на меня и на направление моего движения, и через какое-то полмгновения поняв, что я безопасен, прикрыл от луча и второй глаз. Теперь всё его лицо, с волосами и ушами, с губами и шеей было залито цыплячье-жёлтым светом. Я прошёл мимо и ещё успел увидеть, как он начал улыбаться. Будто ему

стало щекотно от солнца. Я делал шаги и дофантазировал его улыбку, как если бы действительно увидел её от рождения до всей широты. Я придумал, что у него нет части зубов, а оставшиеся чисты и белы. Что улыбнувшись он посидел под лучом столько времени пока у него в закрытых глазах не появилась радуга. Только после он отвернулся, потёр веки, снова открыл глаза смотря в другую от солнца сторону. Я додумал, что в свёртке у него хлеб и печенье, что он из тех мест, где не бывает атеистов, многое приплёл я своей фантазией. Потом начались все эти звонки и смс, электронная очередь, счёт и пересчёт купюр, подписи, парень с лучом выпал у меня из памяти. Обратная дорога повела меня вдоль забора, по бутылочному стеклу и пачкам сигарет. Туда куда не проникал луч. Но именно это освещённое светом лицо молодого инвалида я сейчас принимаю за первое письмо от неё. Неконкретно мне адресованное, пробное, тестовое, хотя и замеченное и запечатлённое как фотография в моей нынешней версии памяти. Позже я находил её письма быстрее. Их все, как кривая марка на старом конверте, отличала какая-то ущербность. Отсутствие ноги у человека или буквы в вывеске, недостача какого-то рода, несовершенство. Это было фирменным знаком, её фишкой, экслибрисом. Будто она намекала, что когда вернётся, всё это нецелое снова образуется и поправится. Всё возродится.

В другой раз сообщение пришло звонком. Толя, Толян, приятель, которого дружно заочно похоронили год назад по-

звонил по делу, не имеющему отношения к истории. Непринуждённо так, с того света буквально. От того мы его похоронили, что не было о нём вестей ни у друзей, ни у родителей, а он умел найти места и дела особенного характера. ОМОН и СОБР, Кавказ, Сирия, Иностраннный легион – его основные адреса прописки. Искал специально, находил и проходил эти квесты. Есть такие люди, что вместо меня бегают по горам с автоматом, ликвидируют олигархов и террористов, поднимают флаги и носят медали. Такие Толяны. К жизни они не приспособлены, только к поиску смерти. Не своей так чужой. И вот, не зная о нём ничего с того февраля, когда всё началось, мы-приятели, решили, что Толя там. Не могло без него это месиво обойтись. Ни одной обжигающей точки не пропустил он с девяносто третьего, когда окончил школу. Полтора года без вести помноженные на масштаб кровопотери поколения дали чёткое равно. Толян убит или умер иным околовоенным способом. Плен, госпиталь, всё одно. И вдруг звонок. Такой же как от банка или от коллеги с работы. Полтора года. Оказывается, Толян, бетховенец с 2014-го, немного ошибся с направлением. Вместо Юграины подался он той зимой в Африку, на очередную секретную базу, где якобы нет ни русских, ни музыкантов этих. Те самые неизвестно где на карте расположенные Чадынигеры, о которых нам врут по телевизору. Как он оттуда ни дёргался, как ни вызывался, перелететь в настоящую войну ему чесалось, не смог. Отвечали, мол, чем на твоё место учить-искать, ты уж

лучше в Ливии работай. Успеешь повоевать на новой русской земле. И Толян, секретный как подмышка дикобраза, никому родному ни слова, отсидел смирно попой под солнцем Африки. Айболит, ё-моё! Живой, ё-моё! Сколько мимо него прошло, бетховенец сраный. Счастливый человек. У него было самое длинное на свете лето. Понял ли он свою удачу? Солдат удачи. Такое от неё было послание. Воскрешение тех, кто изо всех сил хотел найти свои залежи свинца, цинковую руду, а нашёл покой и солнце. Приятель повесил трубку, а я всё ещё грел ладонью смартфон и думал, как проста жизнь, но как полноценна она стала бы вернись в мир та старомодная вещь. Послания множились, я начал делиться со знакомыми тем, что вижу. Какое предтече мне попадаетеся на улицах и в пролетающих мыслях. Выражал надежду, не я один это наблюдаю. Или печаль, как это называется сейчас правильно? Не то чтобы мои наблюдения не разделяли, люди были заняты. Суетная слежка за скидками, сбор консервных банок для блиндажных свечей, некогда современному горожанину выслушать соседа.

Паузы между посланиями всё сокращались. К примеру, в самый сонный четверг (из всех сонных четвергов этой зимы) меня разбудил писк домофона. Не соображая спросонок, я удалённо открыл дверь, а потом застыл спящей стоя лошадьё в прихожей у входной двери. Что я мог заказать на утро сонного четверга? Или это вчерашний не пришедший заказ со стиральным порошком и пятновыводителем?

Курьер постучал, поставил на пол через открытую дверь совсем небольшую коробку, положил мне в руку какую-то квитанцию А4, помялся полминуты и убежал. Я бы всё равно не дал ему ничего, наличных почти нет, виртуальные рубли я незнакомым не перевожу. Какая маленькая коробочка. Это точно не пятновыводитель. Я попытался вчитаться в листок, но кроме адреса, верного, моего адреса, остальное было так ужасно стёрто принтером, что я выкинул бумагу в мусорное ведро. Когда уже научатся замещать краску в принтерах? Я сел на корточки перед коробкой и в этом положении наконец-то проснулся полностью. Крови не нужно было больше поступать на высоту 185 сантиметров, она легко добралась в мой накорточковый мозг. Бумажка, целлофан, ещё бумага, рваный картон и на дне этой капусты из целлюлозы оказался свёрток в прочном полиуретане. Тяжёленький и продолговатый. Будучи совершенно уже уверенным, что это не мой заказ я вскрыл последнюю оболочку подумав, что это может быть знак из тех старомодных времён. Может быть это и есть разгадка и последний слой сошёл. Я держал в ладони складной нож, с ручкой из полированного чёрного дерева. Лезвие сантиметров двенадцать-пятнадцать и чуть изогнутое, без каких-то брендов и штампов. Нож явно был специальным. Изогнутость его с широким когтем-углом на конце, ложбинка вдоль оси, как у меча в аниме, всякая блескущность и металличность, всё, подсказывало, что это не просто раскладной нож. Это что-то старомодное. Я был прав. Это знак от

неё. Это нож для срезки белых грибов или чистки розового налива. Всякая такая древняя тема, забытое и неуловимое воспоминание. Эдакие штуки для счастья счастливого солнечного дня в кругу родных. Это то, что нужно, чтобы встретить то, что придёт после зимы. Это мой заказ. Мой знак. Я скомкал шелуху упаковок с пола и положил нож на столик в прихожей. Когда-то ведь были все эти яблоки-грибы не на холодных полках универмагов, а на земле. Было такое время года, они просто были на земле. Как солнце, садящееся за горизонт. Как старый рецепт. Как нашедшийся друг. Все эти старомодные вещи почти сложилось в пёструю картину у меня в голове. Пазл из опавших листьев. Я всё клал и клал в коробку эти квадратики-знаки. Когда сяду собирать? Не сегодня, я поддался четвергу и повторно уснул в ещё тёплой постели.

Окончательно я убедился в её всепроникающей способности достать меня своими знаками в самом конце февраля. Я стоял в аптеке в очереди стоявших людей. Неплотно стояли и двигались весьма бодро, даже скоро, так что не успел забыть за чем пришёл в аптеку. Однако разговор фармацевта с покупателем в голове очереди отвлёк меня от всего. Я вновь обрёл знак. Покупатель в пальто перешитом из спального натовского мешка спрашивал «Гематоген». И зачем-то стал надевать очки, отличные очки похоже из стекла от «Шмеля-М». Затем он несмотря на вибрирующее неудовольствие очереди попытался найти и прочитать вслух состав «Гемато-

гена». Для этого близорукий покупатель всё вертел-крутил гармошку бумажно-папиросной инструкции. Все знали состав с детства: 70% раствор гемоглобина (бычьего) в глицерине и красnodарском вине. Но. Однако. Покупатель, читая, периодически отрывался, поглядывая то на фармацевта, то на следующего на нем в очереди и повторял как мантру состав. Все были возмущены заминкой и даже аптекарь стоял подняв глаза к потолку. Ну что может быть нового в «Гематогене»? Зачем ты читаешь это? Бери и отходи! А я расслышал, что бормотал покупатель, я услышал и тут же вышел из очереди. Это был новый привет от неё. Крахмальная патока, сгущённое молоко, сахар, ванилин, витамин С, возможны следы чёрного альбумина. Возможны следы чёрного альбумина. Возможны. «Гематоген» больше не состоял из бычьей крови, он стал конфетой, сладостью. Это больше не концентрат чужого железа, это перекус, это теперь энергетический батончик. Я ушёл из павильона и сел на трофейной скамейке в стиле модерн у остановки автобуса. В «Гематогене» нет больше чужой крови. Почти нет, возможны следы. Спасибо тебе за послание. Я уверен, она каким-то образом услышит моё спасибо. Уже скоро. Уже вот-вот. Она начнётся.

А потом случилось необыкновенное явление. Природное, но странное до невообразимости. Произошло это не одномоментно. Начавшись в серый облачный понедельник продолжалось до субботы, когда небо прояснилось и сделало наблюдение проще. По небу с юга, по маршруту дронов перемести-

лись разнообразные зверьки. Они махали лапами и кричали, сбиваясь в большие толпы в воздухе. Добравшись до парка или какой-нибудь аллеи, они садились на ветки и продолжали орать. Непонятно было на что они кричали, друг на друга, на людей, на небо. Многие спускались на землю и ходили по пустым дыркам в снегу, через которые проглядывала земля, дырки, которых стало вдруг много. Бродили и по бордюрам, что-то подбирали с земли. Другие прыгали на двух лапках или скакали на месте как игрушечные. Постоянно все что-то подбирали. Делали они это не лапами или зубами, а носом, как собаки иногда нюхают и словно пылесос сметают всё подряд языком с тропинки. У зверьков не было волос, вернее, волосы были очень особенные. От каждого мощного коренного волоса отходили ёлкой или веером волосы меньше. И так зверёк покрывался полностью блестящим, судя по всему тёплым слоем волос. Сзади более жёсткие и длинные волосы собирались в хвост, что был важен для перемещения по небу. Передние лапки были полностью в волосах-веерах, как вёслами, зверьки загребали ими воздух и ловко маневрировали среди деревьев. Задние лапки были очень длинными и наполовину сложенные прятались у пузика. Лысые и некрасивые задние лапки использовались только для прикрепления к веткам и забору. Гул, крик зверьков через несколько дней изменился, либо я просто прислушался. Они стали петь. Песни не было только по ночам. Остальное время они пели. Более всего на восходе и закате солнца, ещё тако-

го неполного, некруглого, но уже более искривленного. Дырок на снегу становилось больше. В них прыгали эти зверьки и постоянно пели. Когда ухаживали друг за другом, когда передвигались, когда просто сидели. Они пели просто от того, что светило солнце. Пение было громким и будило по утрам. Если поймать зверька и взять в ладони, большинство вполне помещалось в две руки, то оказывалось, что они очень лёгкие. Невесомые в сравнении со своими размерами. Однако поймать их оказывалось очень сложно. Многие не подпускали к себе, при том что и не уходили далеко, держали дистанцию. Чувствовалось, что человек им знаком, они знают, как с нами обходиться. Но вот мы были в растерянности. Я боялся наступить на них, когда они переговаривались на асфальте, старался не попасть в них мусорным пакетом, когда выбрасывал в контейнер, окружённый по периметру зверьками. Мы сначала называли их песнями. Отчасти потому что это старое слово означало что-то весёлое и забавное, в отличие от гимнов. Отчасти потому, что в их криках и писках часто слышалось «пи-и-с» или «пи-пи-пи». Меня полностью устраивало это название, оно прекрасно подходило под моё ожидание прихода старомодной вещицы. Вскоре завирусился один ролик, где зверьков классифицировали по цвету и размеру, отметили повадки отдельных их толп и предложили называть их «птицами». Зверьки в том видеоролике ловко воровали забытую на подоконнике пиццу, при этом пищали: «Пииицы!» Чтобы не путать автор ролика добавил «т». Птицы ока-

зались таким сюрпризом для меня, что я на время перестал искать её сообщения и знаки, перестал вспоминать как называлась та старомодная вещь. Пока однажды утром, под песню пти-цы, меня не накрыло с головой от собственного свежего вдоха. Приход зверьков, это и есть самый главный её знак. Это мощно. Это практически божественно.

Всё. Больше она скрываться не могла. Не только я, но и моя собака, фикус, все увидели. Она пишет на окнах лучами, она трогает свежие листья на холодных ветвях, она в каждом лице и на каждой плоскости. Во всех глазах и ушах. На всех лицах я вижу её. Я почти вспоминаю её. Она та, что приходит после зимы.

– Ты та, о ком я думаю? Чьи знаки я видел всю зиму? Ты пришла?

– Да, я пришла, здравствуй.

– И что теперь будет. Начнётся это? Как это называется?

– Весна.

– Ты богиня весны, что-то вроде того?

– Да.

– Меня ослепляет твой яркий свет, я не могу рассмотреть тебя. Ты Лада? Остера? Персефона? У тебя есть имя?

– Меня зовут Шипе-Тотек. Я пришла чтобы обновить природу и всё вокруг. Ты видел мои знаки, ты всё верно понял.

– Здесь давно не было весны. Я не уверен, когда она была в последний раз.

– Я приглашаю тебя начать весну. Вместе мы проведём

ритуал обновления. Природа даст миру весну после этого.

– Такой яркий свет от тебя, весна, может я не здоров? Что я вижу вообще? Разве это нормально? Шипе-Туток?

– Шипе-Тотек.

– Извините. Тотек.

– Не волнуйся. Я научу тебя как призвать весну. Вы – люди – делали так всегда, и весна приходила. Время обновить всё. Всё возродить. Вы просто забыли ритуал.

И мы начали обновляющий ритуал весны. Удивительно легко работать хорошо наточенным ножом. Казалось бы, такая прочная на разрыв материя, кожа, и такая податливая на разрез. Конечно же специальным старомодным ножом. Особенно если соблюдать линии Лангера. Это приятное и красивое движение с равномерной глубиной. Подтянуть, вывернуть, готово. Как шкурка от колбасы. Шипе-Тотек помогла мне завязать на спине кожу, которую мы сняли с моего соседа-курильщика на его же балконе. Сзади кожу на мне затянули шнурками, как халат на докторе в старом кино. Шнурками, забавно, что по случаю сушились на бельевой верёвке соседа, через дырки, что проделали жезлом богиня весны. Потом натянули вторые руки из кожи того парня, что бросался камнями в зверьков на аллее. Его пустые кожаные руки свисали с моих локтей вниз. Я не смог натянуть свои пальцы в его как перчатки. Но богиня сказала, что так и нужно, пусть свисают. Этот зуб на кривом ноже очень пригодился. Разрезав до подкожного жира им легко отделялась собствен-

но кожа от лишнего. Если снятие происходило с затруднением, маленькая насечка кривым ножом поправляла процесс. Мы поехали в лифте и отражение в зеркале показало двух красных весенних людей. Лицо для моей кожаной маски мы вырезали из консьержки, которой очень нравилась зима, всё время открывала дверь и запускала её в подъезд. Когда мне для удобства дышать Шипе-Тотек вырезала рот на коже лица той тётки, по шире, у меня получилось словно два рта. Мы прихватили ещё кожу кого-то мужика в камуфляже. Он такой пьяно-радостный мочился в подъезде и стряхивая мочу звенел медалями. Его кожа была плотной и сгодилась на накидку. Покрыла вторым слоем мои плечи и свисала как мантия позади. Весна сказала, что нужны штаны из кожи, но не строго обязательно. На мой размер пока не попался высокий человек. Я так измазался и был голым чтобы натянуть всё это, и красным, в общем стал один в один Шипе-Тотек. Лишь не было от меня такого яркого света. Такого обновления и тепла. Только на снятии третьей кожи перестали у меня по-зимнему дрожать руки. Но стоило мне выйти на улицу, как я поверил. Весна наступает. Ещё несколько человек отдадут мне свою кожу и мы начнём танцевать. Радость и свет польются на землю. Спасибо, что научила меня, Шипе-Тотек! Взойдёт новый урожай и птицы больше не улетят. Всё обновится, всё наладится, полезет из земли урожаем, яблоком, грибом, цветами и благоуханием. Как долго мы тебя ждали! Как забыли тебя? Но всё закончилось. Теперь всё будет по-

новому! Здравствуй, весна!